

* * *

У Дюймовочки больше нет сердца, его съел крот.
Она сидит в подземелье, равнодушно зерно жует.
Может поддержать беседу о видах на урожай.
Впрочем, другие кроты ее не очень-то уважают.

Дюймовочка ходит по коридорам подземным, одета в тряпье.
Живые и мертвые трогает корни, иногда жутко поет
Песни, от которых просыпается старый крот,
Достает беруши и холодный вытирает пот.

Дюймовочка кричит в темноту тоннелей,
И звуки возвращаются к ней мертвее шрапнели.
Она слушает их и хохочет в ответ.
И от смеха ее по тоннелям летает снег.

А потом наступает весна, она долго глядит на солнце.
«Под землю!» – говорит ей крот, ну а ей все неймется.
И когда на проталине первый встает подснежник,
Она лепит себе новое сердце и прячет его под одеждой.

Ловит ласточку и привыкшей к морозу рукой
Сдавливает ей горло и говорит: « Я полечу с тобой».
Они долго летят на юг, и в полете успев согреться,
Слепленное наспех сердце становится настоящим сердцем.

* * *

Я хоронил кошку,
В пять утра, на рассвете.
В коробке из-под ботинок,
С лопатой, наспех одетый.

Она умерла вот только
И на руках остывала.
Я проверял коробку
От чувства живого жара.

Плачу и не стесняюсь,
Кому и какое дело?
Я – человек несчастный.
Прячу родное тело.

* * *

Это тепло от земли и этот коровий взгляд...
Здесь всё совершается внезапно и невпопад.
Кони прыгают ушами и воздушный летает змей.
Мальчики не приходят с войн, обманывая матерей.

Школьник дерется с крапивой, и крапива ложится рядами.
Карась вылетает с пруда, удочкой заарканен,
И летит, как Гагарин по небу, серебристо-красивый.
Родина-мать бьет в ладоши и хохочет счастливо.

Набухают туманом заросли трав в лугу.
Журчит ручей. Эту ночь провожу в стогу,
Наблюдая, как летят в небе спутники и летучие мыши.
Последние живут в церкви с обрушенной крышей.

Я слышу, как поют мертвые на кладбище дальнем.
Как крадетсямышь и что-то движется в Зазеркалье.
Как несется Юпитер своей извечной дорогой.
С вершины стога можно услышать многое.

* * *

Ни птица сова не знает, ни рыба сом
О королевстве под опавшим листом.
Не для него наша музыка – квинты, кварты и терции,
Не для него бьют часы на башнях Венеции.
Не для него летят спутники и ледоколы штурмуют Арктику,
Там полководец выстраивает полки, и не беда, что маленькие.
Там конница крупной рысью рассекает полночный мрак,
Чудовища отступают и падают в овраг.
Под опавшим листом турниры и рыцари опускают забрала,
Клянутся в верности дамам и замертво падают.
Там в крестовые ходят походы, помнят совесть и помнят честь.
Там на картах ворота адовы и видна купола твердь.
Там не тронет огонь невинных и невинный пройдет огонь.
В бочках древние бродят вина и твой первый товарищ конь.
Под опавшим листом темнеет. Королевство заносит снег.
Только всюду там факелы светят и поэтому слышен смех.
Кузнецы починяют доспехи, снова шьются шелка и меха.
И играют, играют дети. Под листом, среди снега и мха.

В небе высоком не тает осколок луны.
Мне десять, я прыгаю с бабушкиного чердака.
Ни для чего, просто так, голова легка.
В детстве летать легко, я лечу, как дым.

Прыгаю и, кажется, сделал что-то ужасно важное,
Как парашютист, сошедший с неслыханных прежде высот.
Как совершивший нечто, что дано не каждому.
А то, что страшно и ноги болят, – не в счет.

Бабушкин дом теперь рухнул, хозяйева – крысы, ежи.
А я еще жив и башка всё также легка.
Луны осколок держу в руке, как запал,
Хочется прыгнуть с бабушкиного чердака.